

Список литературы

1. Art. VII Douglas, a Tragedy // The Critical Review. 1757. Vol. 3. P. 258–268.
2. Art. XI Odes by Mr. Gray // The Critical Review. 1757. Vol. 4. P. 167–170.
3. Art. III The Peregrination of Jeremian Grant // The Critical Review. 1763. Vol. 15. P. 13–21.
4. Art. I Two Novels: The Delicate Distress and the Gordian Knot // The Critical Review. 1769. Vol. 28. P. 132–141.
5. *Basker J. G.* Tobias Smollett, Critic and Journalist. Newark (DE) : U of Delaware P ; London and Toronto : Associated Ups, 1988. 358 p.
6. The Cambridge History of English and American Literature : in 18 Volumes. 1907–1921. Vol. X : The Age of Johnson [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.bartleby.com/220/0223.html> (дата обращения: 9.01.2014).
7. *Klukoff P. J.* Smollett and the Critical Review: Criticism of the Novel, 1756–1763 [Electronic resource]. Mode of access: <http://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1756&context=ssl> (дата обращения: 23.01.2014).
8. *Smeaton W. H. O.* Oliphant Tobias Smollett: famous scots series. Edinburg & London : published by Oliphant Anderson&Ferrier, 1897. 160 p.

М. В. Чичкина

Научный руководитель: О. Н. Турышева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОВЕСТИ Г. ФЛОБЕРА «ПРОСТАЯ ДУША»

«Простая душа» (1877) занимает центральное место в сборнике Г. Флобера «Три повести» и считается одним из лучших произведений писателя. «Никогда еще он не достигал такой простоты выразительных средств, никогда еще не вкладывал такого глубокого лиризма и такой теплоты чувств в столь скудный, столь неблагодарный материал», – пишет литературовед Б. Реизов [4, с. 483]. «Неблагодарным материалом» критик называет историю бедной крестьянской девушки, которая после неудавшегося брака стала преданной служанкой. Тем не менее, в самом произведении исследователь замечает «конфликт святого чувства и отвратительной среды» [4, с. 482] и признает, что, несмотря на простоту сюжета, история этой несчастной женщины трогает читателя «нравственной чистотой и высоким душевным убожеством» [4, с. 483].

В интерпретациях современных литературоведов образ главной героини повести предстает более сложным и глубоким. Так, Р. Г. Назиров в статье «Пародии Чехова и французская литература» анализирует флоберовские мотивы в творчестве Чехова и приходит к выводу, что французский классик описал не жизнь простой крестьянки, а создал «житие святой». И цель появления такого образа – противопоставить «простого» че-

ловека, наделенного нравственной красотой, окружающему циничному буржуазному обществу. «В форме натуралистической новеллы Флобер создал житие святой. Фелисите – это неузнанная святая, Sancta Simplicitas, укор циничным эгоистам, окружавшим стареющего Флобера» [2, с. 156].

Таким образом, на современном этапе исследователи заговорили о библейских мотивах и аллюзиях в повести Флобера. Данная концепция была поддержана и Ю. Полухиной, которая в своих статьях коснулась структурных элементов повести французского автора и обратила внимание на присутствие в произведении евангельского пласта. Стоит отметить, что исследовательница оспаривает «святость» Фелиситэ: «Она не является ни предтечей Христа, ни святой, а просто старой служанкой с чертами идолопоклонницы и фетишистки. И слово Божие в “Простой душе” это уже не то живое слово, как в “Иродиаде”, или являющее себя в действии слово, как в “Легенде о св. Юлиане Странноприимце”, а слово материализованное, облекшееся в форму культового ритуала и произносимое его служителями» [3, с. 133]. Тем не менее, относясь критично к образу главной героини, исследовательница не отрицает наличия библейских мотивов в повести.

Говоря о евангельских аллюзиях в образе Фелиситэ, стоит, прежде всего, обратить внимание, что автор подчеркивает необразованность героини: «У Фелиситэ было очень смутное представление о Святом Духе...», «...ее религиозное воспитание было заброшено в молодости» [5, с. 104]. Но при этом Флобер показывает, как легко она приобщилась к богослужению и какое воздействие на нее оказывало присутствие в храме: «Она пребывала в состоянии экстаза, наслаждаясь веявшей от стен прохладой и спокойствием храма» [5, с. 104].

Один из важнейших евангельских мотивов в повести связан с образом Девы Марии. Флобер неоднократно ассоциирует служанку Фелиситэ с Богородицей. Автор не идеализирует свою героиню, в тексте повести нет описаний каких-то подвигов или добрых дел, совершенных Фелиситэ. Если она и делает добро (спасает семью Обен от быка, заботится о больных), то абсолютно бескорыстно, подчиняясь лишь своему простому и великодушному сердцу.

Привлекает также внимание и мотив любви к детям, заявленный в образе главной героини (как известно, именно материнская ипостась Девы Марии является наиболее важной в Библии). У Фелиситэ нет своих детей, но на протяжении повести автор неоднократно показывает читателю трепетное отношение героини к детям, которое для нее вполне естественно. Сначала все свое тепло она обратила на детей г-жи Обен: «Поль и Виргиния ... казались ей сделанными из драгоценного металла; она таскала их на спине, как лошадь, но г-жа Обен запретила ей целовать их каждую минуту, что поразило ее в самое сердце» [5, с. 98]; «Ей казалось вполне есте-

ственным потерять голову из-за малютки» [5, с. 108]. Затем свою нерас-траченную материнскую любовь Фелиситэ переносит на племянника Виктора: «Она отпраплялась в церковь, с материнской гордостью опираясь на его руку» [5, с. 106].

Отношения Фелиситэ с племянником также помещены в евангельский контекст. По сюжету Виктор уезжает в дальнее плавание. Узнав об этом, Фелиситэ решает проводить племянника. Она проделывает долгий путь, но в последний момент сбивается с пути: «Когда она подошла к Голгофе, то вместо того, чтобы повернуть налево, пошла направо, заблудилась в верфях и вернулась назад» [5, с. 106]. Фелиситэ не успела попрощаться с Виктором. Упоминание Голгофы в данном случае имеет символический характер. По Евангелию, Голгофа – место, где был распят Иисус Христос. Само слово «Голгофа» обозначает холм, по своей форме круглый, как череп. Голгофа символизирует смерть – и в повести это последнее место встречи Фелиситэ с племянником: Виктор не вернется из плаванья.

В современной католической церкви Голгофа – одна из главных святынь. Так называют любое воздвигнутое на открытом месте распятие или место, где установлены иконописные или скульптурные изображения различных сцен Христовых Страстей. Поэтому неслучайно Флобер вновь упоминает Голгофу и на обратном пути Фелиситэ: «Когда Фелиситэ проходила мимо Голгофы, ей захотелось попросить бога, чтобы он не оставил того, кто был ей дороже всего, и она долго молилась, простояв на одном месте...» [5, с. 107]. Таким образом, Голгофу можно рассматривать как символ надежды и веры в бога для Фелиситэ и как знак, указывающий на евангельский подтекст новеллы в целом.

Также обращает на себя внимание момент, когда в повести Флобер акцентирует внимание читателя на изображенных в окнах храма Богоматери и Иисуса Христа: «На одном из расписных окон абсиды святой дух парил над девой Марией; на другом она была изображена коленопреклонной перед младенцем Иисусом» [5, с. 103]. В данном контексте Иисус отождествляется с Виктором, к которому Фелиситэ относилась как к своему ребенку, а Дева Мария – с Фелиситэ.

По мнению Ю. В. Полухиной, евангельские мотивы присутствуют в описании комнаты Фелиситэ. Жилище героини переполнено различными предметами и имеет вид «часовни и базара одновременно: столько там было предметов религиозного культа и всякой всячины» [5, с. 117]. Интересно заметить, что во французском языке для обозначения беспорядочного скопления предметов существует термин *in sapharnaut* (досл. пер. ‘хаотическое нагромождение вещей’), употребления которого, по мнению исследовательницы, Флобер «нарочно избегает» [3, с. 132]. Это слово восходит к названию древнего еврейского города Капернаум, который был

тесно связан с жизнью Иисуса Христа. В Капернауме, согласно Евангелиям, проходила основная проповедническая деятельность Иисуса Христа. Здесь Иисус обрел своих апостолов и совершил много чудес. По мысли Полухиной, подобное «избегание» делает комнату Фелиситэ соединением воедино «правоверия и идолопоклонничества» [3, с. 133].

Анализируя евангельские аллюзии в новелле Флобера, стоит коснуться и еще одного мотива, связанного с попугаем Фелиситэ – Лулу. На мысль о символичности данного образа наталкивает сцена смерти главной героини: «Когда она испускала последнее дыхание, ей казалось, что она видит в разверстых небесах гигантского попугая, парящего над ее головой» [5, с. 122]. В приведенном описании можно увидеть присутствие параллели «попугай – Святой Дух». Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Образ белого голубя, который в христианстве олицетворяет собой Святой Дух, берет свое начало в Евангелии от Луки, где описывается, как во время молитвы Христа «отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь» [1, с. 22]. Позднее птица официально была провозглашена символом Святого Духа. В тексте повести проводится параллель между христианским голубем и попугаем, который стал для Фелиситэ олицетворением Святого Духа: «В церкви она всегда созерцала святого духа и заметила, что он немного похож на попугая... Святой дух – с пурпуровыми крыльями и изумрудным туловищем – был настоящим портретом Лулу» [5, с. 118]. Постепенно Фелиситэ перестает разделять попугая и Святого Духа («Они слились в ее уме в одно целое; сходство со святым духом освящало попугая, а святой дух стал для нее более понятным» [5, с. 118]). После того как попугай умер, Фелиситэ не смогла смириться с потерей и заказала чучело. Оно стало фетишем для нее. Святой дух теперь принял образ чучела попугая, и Фелиситэ обращает к нему свои молитвы: «...у нее выработалась привычка молиться, стоя на коленях перед попугаем, как перед идолом» [5, с. 119]. В попугае сосредоточилась вся любовь Фелиситэ. Когда пришло время соорудить алтари, для Фелиситэ казалось совершенно естественным возложить на алтарь самое дорогое, что у нее осталось, – попугая Лулу. С одной стороны, критики считают этот поступок кощунственным, но сам Флобер через образ кюре «разрешил, и она была так счастлива, что попросила его взять себе после ее смерти Лулу, единственное ее сокровище» [5, с. 120].

Завершая анализ евангельских аллюзий в «Простой душе», стоит обратиться и к финальному эпизоду произведения. После смерти г-жи Обен Фелиситэ остается одна. Она ослабевает, начинает болеть и в конце повести умирает. По сюжету, Фелиситэ становится хуже накануне Пасхи: «Со вторника до субботы, кануна праздника тела господня, Фелиситэ кашляла особенно часто» [5, с. 120]. Смерть героини в Пасху, в день воскресения Иисуса Христа, кажется неслучайной. Флобер «заставляет» свою героиню

умирать в главный праздник верующих христиан, что можно интерпретировать как подтверждение ее святости.

Итак, в ходе анализа повести Флобера обнаруживаются евангельские аллюзии на уровне повествовательного плана, а также аллюзии, присвоенные автором образу главной героини. Данные мотивы могут быть эксплицитными (как в случае с параллелью между попугаем Фелиситэ и Святым Духом) или имплицитными («беспорядок» в комнате главной героини, смерть накануне Пасхи).

Для наглядности можно представить некоторые выявленные нами мотивы в виде таблицы:

«Простая душа»	Евангелия
Фелиситэ →	Дева Мария
Виктор →	Иисус Христос
Проводы Виктора →	Путь на Голгофу
Комната Фелиситэ →	Капернаум
Попугай →	Голубь → Святой Дух

Библейский подтекст повести, евангельские аллюзии в образе главной героини указывают на то, что, возможно, писатель стремился к созданию образа современной «святости», по аналогии с тем, как в остальных двух повестях цикла автор описал святость времен зарождения христианства («Иродиада») и смысл святости в Эпоху Средневековья («Легенда о Святом Юлиане Странноприимце»). В данном случае библейские аллюзии приносят новые смыслы в произведения и создают духовный пласт в рамках художественного мира «Трех повестей».

Список литературы

1. Евангелие от Луки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ot-luki.ru> (дата обращения: 12.05.2012).
2. Назиров Р. Г. Пародии Чехова и французская литература // Р. Г. Назиров Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет : сб. статей. Уфа, 2005. С. 150–158.
3. Полухина Ю. В. Три повести Флобера: хронологическая структура, фигуры пространства и использование в произведениях образа «слова» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2006. Вып. 2. С. 124–134.
4. Реизов Б. Г. Творчество Флобера. М. : Гос. изд. худ. лит, 1955. 522 с.
5. Флобер Г. Три повести // Г. Флобер Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. М., 1956. С. 71–150.